

Таможню прошли рано. В полудрёме расселись по местам.

Теперь спешили, пока не началась жара.

Пассажиры все крупные, в машине тесно.

Водитель – худощавый, жилистый, по виду работяга. Заметно лысеющий, на правой щеке косой шрам слегка касался нижнего века. Глаза синие.

Жена рядом тотчас изобразила недовольную гримаску. Черты лица мелкие, но нос крупный, мужской, кожа смуглая с лёгкой желтишкой.

Строгий взгляд училки с большим стажем.

Стряхнула что-то, поправила на груди пёстрый сарафан. Жест энергичный. Большая масса тела всколыхнулась укоризненно.

Муж отвернулся к окну, выпустил облачко сигаретного дыма.

На заднем сидении, среди вещей, сын лет тридцати. Лицо костистое, похож на мать, только нос покрупнее. Несуразная чёлочка на круглой голове. На затылке едва приметный шрам.

Третий день в пути.

Начинает припекать.

Ближе к обеду покатали с горки, приехали в райцентр. – «Посёлок городского типа», – прочитал сын. – Вот где они, мля, городские типы живут!

Круговое движение. В центре вождь на постаменте, в серебряных чешуйках отлетающей краски. В солнечном освещении кажется, что на нём мохеровый пиджак. Рука, воздетая к небу. Невразумительная клумба в пыли, пожухлый, бесполезный цветник у подножия.

Небольшой базарчик: баклажаны, помидоры, дыни, яблоки, груши. Вязанки бычков, почти чёрных, потеющих

переизбытком белой соли. Картошка в вёдрах. Белая и розовая, мелкая и чистая.

Старушка разложила на картонном ящике белоснежные накрахмаленные воротнички, сплетённые крючком. Буквы газетки пробиваются в просветы плетения.

На что-то надеется мастерица от безысходности.

Покупатели – в основном проезжающие путешественники.

– О, вот он – «Райффайзен-Лаваль», солидно. Надо остановиться, – говорит сын.

Банкомат под железным козырьком, исписанным местными умельцами. На торце трёхэтажного дома из белого силикатного кирпича закреплён прочно. На уровне груди корявое граффити – «Просим здесь не ссать».

– Ты поспеши, чего нам два раза гонять. Надо засветло успеть, – замечает отец.

Сын набирает пин-код. Кнопки звучат под пальцами – мелодия ожидания денег.

– Хороший курс. Правда, долго пытал меня «Железный Дровосек»: кто я, что я. Снял полштуки. Вон они какие, гривны, «синяки чернильные». Я сейчас пройду дальше по кругу, взгляну: похоже, это культурный и административный центр поселения.

Отец сидит в машине, открыв дверцы, лениво наблюдает.

Сын возвращается.

– До двенадцати работает контора. Похоже, им денег не надо. Ваще забили на работу! – возмущается сын.

– Так у каждого же своё хозяйство, живут огородами, что ты хочешь! – говорит отец. – Так это что – единственное заведение в городе?

– Охранник дал адрес. Вот, записал – Горького, девятнадцать. Это по кругу, в гору и направо, после рекламного щита СТО должно быть, пятый дом. Говорит, увидите,

дом такой видный издалека. Это их филиал, круглосуточный.

– Похоже, они тут по Гоголю – «выздоровливают как мухи». А я ведро груш прикупила, недорого, – говорит мать, – пока ты искал контору.

– Зачем? Вечно спешишь, будут ещё в деревне фрукты-овощи, – возражает ей муж от руля.

– Цена хорошая.

Она отдаёт пакет сыну. Усаживается на переднее сиденье.

Машину слегка качнуло.

– После Мурманска любой фрукт хороший, даже дичка при дороге, – говорит муж.

Едут.

Сын обтёр об аляповатые шорты грушу, звучно ест, жмурится:

– Сочная, сволочь, ща всё склеится и прилетит ос, злой мух, мля!

– Бабушка сказала, что их не обрызгивает, если вдруг червяк попадётся, мол, не ругайтесь потом. Жёлтые, красивые какие. Второе ведёрко маленькое. Говорит – забирай и его. За семь гривен. Хорошо, пакет большой.

– Груша с мясом – неплохо! – прижмуривается от удовольствия сын.

– Церковь адвентистов! Опа! Хорошая реклама! И щит такой нехилый! – замечает отец. – А вон внизу плакатик самопальный, бычков предлагают.

Сын выкинул в окно огрызок груши. Дождёвывая:

– Чё-то не похож пейзаж, давайте спросим, вон дед какой-то шкандыбает. – Высовывается в окно. – Дед, где тут услуги похоронные предлагают?

– Не услуги, памятники! – кричит отец.

– Та вот же ж, видите, дэ черэшняя большая, тама ещё куча щебня вывалена на полпроулка. У них большая, ото ж,

стройка идёт, хоромы возводят. Они надгробники людям делают, целый завод у их.

– Спасибо! – благодарит мать.

– Немного совсем не доехали, – замечает отец, – вот она вывеска... чёрный мрамор, пожалуйста! Домик-то хорош, «хижина бедняков», бизнес явно процветает! На жмуриках. Однако дорожка к нему зубодробильная, мля, – посетовал.

Участок разгорожен, к дому от дороги плиткой выложен проход, вдоль соседского забора – образцы надгробий, цветников, декоративных плиток разной формы и цвета. В глубине небольшой сарай. Всё вокруг и само строение сильно припылено серо-белой пудрой.

Вылезают из машины, разминают ноги. Отец громко кашляет.

Никто не встречает. Птицы поют. Недалеко слышно, как шумят машины – оживлённая трасса на юг.

Отец кашляет громче.

В сарае звонко лает собака.

Гремят железные двери. Выходит заспанный юноша.

– Здравствуйте! – громко приветствует отец.

– День добрый! – Лицо недовольное.

– Нам бы присмотреть чего-нибудь у вас.

– Крошку мраморную или чёрный мрамор? Природный.

– Присмотреть сначала.

– Вот образцы, – показывает рукой. – Вам какие фотографии?

– Нам два надгробия. На одном одно фото и на другом два, – говорит мать.

– Памятник, от такой – семьсот гривен. Фото – сто, табличка – сто тридцать. Хорошо делают, аж в Донецке заказываем.

– Нормально! – говорит сын. – Штукарь всего одно надгробие в комплекте.

– А сколько вот такая, чёрный гранит? – интересуется отец.

– От размера зависит. Ну, примерно... тысяч пять.

– Нам вот такую по размерам, но из крошки. Горизонтальная, но из крошки, понимаете?

– Понимаю. Можно одну общую плиту, можно две и два надгробия, – предлагает юноша. – Доставка-установка – двести пятьдесят.

Из сарая выкатился щенок. Спина чёрная, с подпалинами. Большой, несуразный, пушистый и неуклюжий. Невольно хватает с разбега женщину за ноги. Она смеётся, отмахивается.

– Не любит женщин, какой вредный. К нам как-то спокойней, – замечает отец. – Вазон, вазон... Вот такой, но пошире есть у вас?

– Кыш! – отмахивается от щенка мать. – Нам как в Европе – надгробие и никаких вазонов.

– И всё! – подытоживает сын.

– Шварц, место! – приказывает юноша.

Щенок останавливается, замолкает.

– Ах ты, развели фашистов! – возмущается отец.

– Ещё вырастет, зверюга! Чёрный «шварц»! – замечает юноша с лёгкой гордостью в голосе. – Восточно-европейская. А сколько до вашей деревни?

– Двадцать кэмэ, – отвечает сын.

– Угу. Вкладываемся, – отвечает после паузы юноша.

– А если фото насечкой сделать? – спрашивает отец.

– Дорого, батя! И долго! У нас неделя на всё про всё!

На всю гастроль, – возражает сын.

– Ну да. Ну, тогда на керамике. Вклеим, – отвечает отец.

– Тогда получается тыща четыреста гривен... и доставка... – Сын что-то подсчитывает в уме.

– Материал полностью наш, перемычки. Примерно тыща шессот – тыща семьсот выйдет за единицу, – отвечает юноша.

– А как долго вы это делаете? – интересуется мать. – За неделю управитесь?

– Заготовки есть, – рукой махнул в сторону сарая, – тока фотографии могут задержать слегка. Мы фотки набиваем, а клеёные заказываем. Им неделя нужна. Как минимум.

– Может, старые отбить фотографии? И переклеить, – предлагает мать.

– Если найдём, – говорит отец, – сто лет не бывали, сто первый пошёл, что там? Реально.

– Вы сдалека? – интересуется юноша.

– С Севера. Дедушку репрессировали в тридцать седьмом, старший сын бабушки, дядя Сергей, пропал без вести где-то под Оршей. В сорок третьем. Наступление было большое. На кладбище фактически одна бабушка похоронена. Вот она перед смертью попросила рядом поставить памятник мужу и старшему сыну, – говорит мать.

– Получается отец, мать и сын. Общая память. Одна семья.

– Как мы, – хмыкает сын.

– Типун тебе! – одёргивает мать.

– Чё ты объясняешь чужому человеку! – останавливает её отец.

– А как же! Надо объяснить! – возражает ему сын. – Мы тут уже стока лет не были. В деревне-то осталось две-три бабушки. Доживают. Может, их и нет уже?

– Вот как сразу хотели, по первому варианту будет лучше и быстрее, – говорит юноша.

– Один общий памятник нам нужен на двоих, один отдельно и общую плиту, – говорит отец. – Бабушкино фото переклеим, а на мужчин сделаем табличку общую. Фотографии-то дома остались. Забыли впопыхах. Надо попытаться отклеить старые. А у вас электрическая набивка?

– Есть и компьютерная. Так столько же и будет. Только под эту пойдёт одна узенькая, а под эту – широкая.

– Там места-то хватает. Тёща, наверное, думала – для себя. Жила тут, в деревне, пока силы были. Потом собралась и к нам переехала. Я её перевёз. Прицеп на фаркоп, сложил вещички и вперёд! – говорит отец.

– Великое переселение душ и людей, – обмолвливается мать.

В соседнем дворе неожиданно громко кукарекает петух.

Коротко помолчали.

– Ну всё, решили! – подытоживает мать.

– У меня пятьсот гривен с собой. Заедем, ещё снимем в банкомате, – говорит отец.

– Аванс оставим. Остальное отдадим потом. Посчитаемся под конец, – говорит мать.

Идут в дом.

Кухня полупустая, большая, светлая, в стороне газовая плита, на полу картон упаковки. У окна колченогий стол, на нём компьютер. Пахнет краской и лаком.

– Может, по дороге в хозмаге какую плитку рассмотрим? – предлагает сын.

– А тут она почём? – интересуется отец.

– Двенадцать гривен штука.

– Тридцать на двадцать? – спрашивает мать.

– Бордюрами ещё облаживают вокруг. Двадцать гривен штука, с укладкой же ж, – предлагает юноша.

– Нам надо шестнадцать штук на один памятник. Умножим на двенадцать... – подсчитывает сын.

– Сто шейсят и тридцать два... почти двести гривен! – прикидывает отец. – Давайте я сделаю предоплату, чтоб вы начали уже работу. Какую-нибудь квитанцию нам дадите?

– Та шо там, оставите сто гривен. Достаточно. Я вам телефон дам. Адрес потом уточним.

– Хорошо. Фамилию запишите. И для таблички запишите данные. Какой-то документ нужен? От нас, – говорит сын.

– Та не трэбуется.

– Первая буква «П», а не «В». Так, теперь верно. – Мать отдаёт деньги и рукописный листок юноше.

Тот читает:

– Адрес – деревня Степняки, улица Ленина, тринадцать.

– Центральная улица, она там одна. Да – магазин, вперёд немного и слева. Баба Тося живёт напротив. Мы у неё остановимся. Ваш телефон запишем и созвонимся, – предлагает мать.

– Найдём. Мы уже ездили туда не раз. Работы много. Знакомые места. Мы землю разровняем, спланируем участок, установим.

– Хотелось бы до отъезда всё успеть, – говорит сын.

– Мы с семи утра трудимся. Заканчиваем как когда, пока люди идут.

– Мне нравится такой подход! – хвалит отец. Руки загорелые, мускулистые, вертит в заскорузлых пальцах визитку, читает:

– Максим Геннадьич – это ты, что ли?

– Да.

– Максим с улицы Максима Горького! Очень приятно, будем на вас ориентироваться.

Идут к машине. Щенок увязался следом.

– Шварц! А ну-ка иди дом сторожи! Шварценеггер! – отгоняет отец. – Иди-иди! Место!

– От, тямтя-лямтя! Привязался – не отогнать! – смеётся мать.

Садятся в машину, выезжают на трассу.

– Надо бы мне зайти в интернет-банк. Глянуть, чё там творится на счёте. Он у меня мультивалютный, хоть в

рупиях, хоть в тугриках, как скажешь, – озабоченно говорит сын.

– Четыре тыщи рублей на два. Примерно, – отвечает мать.

– Мать, ты с куркуляцией этой, на гривны, на рубли и обратно, завязывай, пока крыша не отъехала напроочь.

– Ты как с матерью разговариваешь! Так чё у нас с дебетом-кредитом? – спрашивает отец.

– Один бабушке и двойной деду и дяде Сергею, – говорит мать.

– Братский обелиск! Символический, – говорит сын. – Вечером нарисуем, покумекаем. – Молчит, потом добавляет: – Надо жидкость не забыть. «Торнадо». Убивает живое, растительность всю вокруг. Густой раствор, покруче атомной бомбы! Могилки будут чистые – надолго. А вот и хозмаг.

Выходят из машины. Сын задерживается на крыльце.

Магазин пуст. Остро пахнет стиральным порошком и старыми галошами. Продавец, толстая, полусонная женщина, неряшливо одета и небрежно причёсана.

– Нам нужна химия. Которая убивает растения. Кажется, «Торнадо» называется, – спрашивает отец.

– Може, «Тайфун»?

– Покажите. – Изучает этикетку. – В России – «Торнадо», у вас – «Тайфун». А, всё едино! Сорок миллилитров на двадцать литров воды. То что надо. Тридцать пять гривен? Берём.

Выходят из магазина. Садятся в машину. Ждут сына.

Сын появляется минут через десять, на ходу пьёт из банки пиво. Проливает мимо рта.

– Мля, рот прохудился! – Отряхивает майку.

– Чёрт тебя побери! – кричит отец. – Нельзя на минуту оставить! Невтерпёж ему!

– Действительно, тебе хоть совсем не давай денег! – возмущается мать. – Сдачу верни!

– «У попа сдач нет и не бывает». – Сын негромко отрыгивает, в салоне пахнет свежим пивным солодом.

– Шею тебе намылить этим... «Торнадо», – сердится мать.

– «Тайфуном», – поправляет отец.

– Какая разница! Сейчас будет вонять кабаком в салоне! Едут, молчат. Сын допил пиво, с треском мнёт в руках хрусткую банку. Вздыхает. Кидаёт банку под ноги.

Придремал, свесил голову на грудь.

– Счас приедем, и за стол! Водочки нальём! С устатку! – прижмуривается отец.

– Надо экономить, – сетует мать.

– Экономить надо до отпуска! – возражает отец. – А в отпуске расслабляться. Вот оно как должно быть.

– И ты туда же! А кто постового проворонил в Ростовской области? Три тыщи псу под хвост!

– Ну, всё! Теперь три года будешь пилить! В год по тыще! – возмущается отец.

Помолчали.

– Счас баба Тося ахнет, когда нас увидит! – улыбается мать, глаза слегка повлажнели. – Старенькая совсем. Я на Новый год передавала ей приветы, поздравления.

– А где её внучка живёт? – вскидывается сын.

– Ты не спишь? В Италии, – отвечает мать. – Замужем, два сына. Муж какой-то бизнесмен.

– В другой конец Европы унесло! – говорит сын.

– Конец у всех один, – многозначительно хмыкает отец.

Достаёт сигарету из кармана рубашки, закуривает, делает глубокую затяжку. Косорото выдыхает дым в сторону открытого окна, блеснув металлом фикса.

Искоса следит за дорогой, рулит одной рукой.

Едут молча. Шумит машина. Сумерки надвигаются.

Кладбище на окраине. Справа от дороги, на въезде в село.

Останавливаются. Разминают ноги. Устали. С трудом перебираются через кювет. Медленно поднимаются на небольшой холм. Трава выгорела, порыжела.

Перед ними кресты на фоне тёмно-синего, почти чёрного неба.

Бродят между редких могил. Надгробия темнеют тревожными силуэтами.

Большое пространство плотно заполнили кусты, не прорваться сквозь них. Нахальные ветки завалили забор, он повалился пьяно, разметался как попало. Штакетины рассыпаны, седые от времени, ржавые гвозди вырвались на свободу, видны в поперечинах.

Трое разбрелись в разные стороны. Ищут родные могилки.

Скорая южная ночь навалилась плотной темнотой, посторонними звуками, пряными запахами засыпающей травы и пыли.

Не могут найти.

Перекликаются вполголоса. Прислушиваются. Снова бродят между могил.

Из темноты прокукарекал петух, и показалось, что он где-то совсем рядом, уселся на чьё-то надгробие.

Постояли, прислушались. Сын светит фонариком под ноги, мужчины снова расходятся.

Сын выключает фонарик, прячется за куст, с наслаждением, долго справляет малую нужду.

– Может, завтра пошукаем? – громко кричит отец. – Темно совсем. Мрак и пустота!

Мать останавливается у свежей могилы.

Мужчины подходят.

Искусственные цветы выцвели, заметен проволочный каркас венков. Земля просела в середине, и деревянный крест в изножье накренился, вот-вот упадёт.

Сын высвечивает фонариком кусок фанеры, медленно читает неумело написанное от руки:

«Ка-ти-на Антони-на Влади-ми-ров-на...»

– Смотри, а баба Тося умерла... в феврале! – потрясённо ахает мать. – Вот беда-то!

Громыкнуло где-то за лесопосадкой, не очень далеко. Потом сухой, пронзительный треск, воздух упруго воспротивился мощному давлению взрыва, уплотнился.

Стало тревожно и неприкаянно.

– Гроза начинается! – вздрагивает мать. – Не хватало нам ещё...

– После этого всегда тишина такая возникает. Звонкая тишина в ушах. И – пустота. Я знаю. Я три года служил. Орудия большого калибра. Это гремит война! – заволновался отец.

– У кого руль, тот и прав! Похоже, пипец! Ну чё, предки – где заночуем? – засмеялся сын.